

МАРИНА ПРИТ

ВИТАЕ

18+

Марина Прит

Витае

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Прит М.

Витае / М. Прит — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Жизнь должна быть наполнена книгами, которые наполнены жизнью! "Витае" в переводе с лат. означает "жизнь". Книга построена из историй разных людей, каждая история - как маленький фильм, иллюстрации - как кадры из фильма! Новый взгляд на создание книги для молодых. Остальные - точно помолодеют после прочтения. Самый приятный отзыв, написанный человеком почтенного возраста: "Эту книгу стоило бы прочитать в 18, чтобы начать жить, а не существовать". © Прит М., иллюстрации, 2017 г. © Прит М., фотографии, 2017 г. Дизайн обложки: Марина Прит и Giuseppe Paglia.

© Прит М., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	8
Глава 2. История #fdfdfc	19
Глава 3. История #777070	22
Глава 4. История #fbb204	23
Глава 5. История #f98c76	27
Глава 6. История #43685a	28
Глава 7. История #d0d1d9	29
Глава 8. История #9ec062	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Прит Витае

Спасибо всем кто помогал, поддерживал и принимал участие в создании проекта «Витае». Отдельное спасибо итальянскому дизайнеру Giuseppe Paglia (обложка, внутренняя обложка, логотип Витае) и композитору музыки для видео о книге Fabrizio Miceli "Harm project".

Всех люблю! Спасибо!

Марина Прит

жизни со вкусом Жизни

В И Т А Е

Глава 1

Мне было 14 – тот самый возраст, когда люди начинают задумываться... Было много вопросов, очень много: кем мне стать, как я выгляжу, нравлюсь ли кому-нибудь, похож ли на какую-нибудь знаменитость, что я умею и чего смогу добиться, страшно ли умирать, во всем ли правы родители, как правильно причесываться, улыбаться, целоваться, одеваться, раздеваться? Все это даже немного давило. Не то чтобы я все время держал это в голове, но все же... Помню, смотрел на людей в метро и думал: «Действительно ли моя мама красивая, или только я так считаю, потому что люблю ее?» На свой счет я и подавно не находил ответов...

Все эти вопросы есть в голове почти у каждого подростка. Они рождаются в подсознании, как только начинаешь улавливать в воздухе тонкий аромат самостоятельности, как только появляется желание нащупать кто ты, как только начинаешь догадываться, что жизнь простирается немного дальше, чем дорога в школу. Вопросы рождаются и висят, как муляжное облако над головой... А потом? Потом это облако смывает бешеным течением жизни, уносит человека от этих мыслей – зачем, почему... И, скорее всего, больше никогда он не скажет: «Стойте! Подождите! Дайте время найти свое, осмотреться, понять, что да как!» – будет некогда.

Переходный возраст – этакый кусочек свободы и поиска, переход к тому, чтобы начать жить осознанно. Или не начать. И до и после все уже придумано и распределено: сад, школа, институт, работа, семья, работа, работа, работа... И это не так уж плохо: человеку нужна организация, вот только если бы еще успевать жить...

Мне повезло, очень сильно повезло тогда, в четырнадцать: мое «облако мыслей» не смыло течением. И теперь я тоже плыву, но не в хаотичном потоке, а на том самом облаке, осознавая, кто я и зачем... Это понимание сделало меня... живым. Не просто существующим, а живым. Но всего этого могло и не быть, если бы не одна судьбоносная встреча...

Мы с мамой пришли в кафе поужинать и ждали отца. Несколько минут спустя он появился в дверях не один, как ожидалось, а со своим другом. Я сразу понял, что это именно друг, а не коллега, потому как отец, часто строгий и официальный, в тот момент открыто улыбался и, похлопав по плечу своего спутника, указал ему на наш столик. Мама всегда выбирала те столы, рядом с которыми можно было сидеть на мягких диванчиках, не на стульях. «Стулья не располагают к раскрепощенной беседе. Это так, быстро перекусить и побежать по своим делам или взять стаканчик с кофе и работать за ноутбуком. А я выбираю уют и атмосферу! За ними я и прихожу в кафе», – говорила она. Отец представил нам человека, пришедшего с ним. Мы познакомились и стали наконец ужинать. Взрослые в тот вечер много смеялись, было

видно, что они действительно рады друг другу. Мужчина оказался школьным другом отца. Он мне понравился: прост в общении, со мной держался на равных, поддерживая мои малочисленные и, скорее всего, не совсем уместные вставки в разговор, причем делал это естественно и просто, совсем не наигранно. Мне даже показалось, что я хорошо его знаю или видел раньше, хотя это было не так: по его словам, сразу после школы он уехал жить в другую страну и вот только вчера прилетел в наш город всего на пару недель. Несколько раз речь заходила о его работе и работе отца. Несколько раз отец обращался ко мне с тем, чтобы я брал пример с его приятеля, на что тот в итоге засмеялся и, подмигнув мне, сказал словами Эйнштейна, которых я не слышал ранее: «"Все мы гении, но если судить рыбу по ее способности взбираться на дерево, она проживет всю жизнь, считая себя душой".¹ Поэтому самая большая ошибка – идти по чужому пути, гнаться за чужими целями. Цели – как конфеты в красивой обертке: все привлекательно, но не все тебе придется по вкусу. Не иди к той, к которой идут многие, ни даже к той, к которой идет твой друг... Да, его конфета красивая, яркая, но для тебя может оказаться абсолютно безвкусной. Иди только к своей, – он окинул взглядом сразу всех и, улыбаясь, добавил: – И, может быть, ты вообще соберешь ассорти». Все улыбнулись ему в ответ. Тут он как-то резко сделал паузу на пару секунд и, снова повернувшись ко мне, добавил на тон тише, как будто не хотел, чтобы другие его слышали, как будто говорил только для меня: «Но и не в целях счастье...» Я ждал, что он продолжит, но он повернулся к отцу и, подняв бокал белого вина, продолжил разговор о делах, новостях и прочем... А я всматривался в его профиль и пытался самостоятельно закончить его мысль. Возникло такое чувство, что он словно книга, которую читает в метро тот, кто сидит рядом: ты успел лишь краем глаза пробежать несколько строк, как вдруг обладатель книги перелистнул страницу, и теперь ты уже никогда не узнаешь, чем все закончилось... Хотелось побеседовать с ним, но было ясно, что случая не представится. Я очнулся от своих размышлений, когда этот новый для меня человек, не принимая никаких возражений, оплачивал счет за всех нас. Потом он достал из кармана пиджака ручку и, пока отец помогал маме надеть пальто, что-то быстро записал на обратной стороне чека за ужин – видимо, какие-то координаты или тому подобное... Я из вежливости старался не смотреть, что же он пишет.

Все оделись, я накинул на плечи свой рюкзак, и у дверей кафе мы простояли еще минут пять, прощаясь. Мне показалось долго: было холодно, хотя сентябрь только начался. А в душе медленно разливалось какое-то теплое ощущение праздника, будто мы сейчас все вместе отмечали Новый год или что-то вроде того. Когда я был совсем маленьким, у меня всегда было такое же чувство внутри, если мама, забирая меня из сада или школы, говорила, что мы сейчас поедем куда-либо: в гости, в кафе, в магазин, а не сразу домой... Это бывало не так уж часто, и мне всегда становилось радостно. Конечно, не от того, что я собирался что-то купить или съесть – я вообще не планировал там что-нибудь есть, ну, может, только мороженое... А радостно потому, что идем всей семьей. Хотя кого я обманываю – из-за мороженого, конечно, тоже. Детям всегда радостно, когда они идут куда-то с родителями поиграть во взрослую жизнь, причем, как я понял потом, взрослые тоже в нее играют, только воспринимают игру всерьез. От этого все их неприятности.

ИХ неприятности... Вообще интересно, что дети говорят о взрослых как о совершенно другом классе существ. Но еще удивительнее, что и взрослые говорят о детях также, хотя несколько шагов назад сами были из их числа. Но потом они прошли период взросления, похожий на обучение в плохой художественной школе... До нее у них были свобода взгляда и передачи увиденного, полет фантазии, неограниченный правилами и чужим мнением, индивидуальность и смелость для воплощения своих идей в творчестве и в жизни. А потом им сказали, «как надо», и они делают «как надо». Хорошо делают, но... скучно.

¹ © Альберт Эйнштейн.

Мы вернулись домой в одиннадцатом часу. Я устал, но спать не хотелось. Физически хотелось, конечно, но так как это действо не сулило мне ничего интересного, я искусственно тянул время. Теперь у меня даже есть целая теория на этот счет: пока тебе неинтересно ложиться спать, особенно днем, – ты все еще ребенок. Дети, в отличие от взрослых, считают сон ужасно скучным делом и бестолковой тратой времени. Вот и я под благовидным предлогом того, что мне еще нужно попить чай и собрать рюкзак, как мог растягивал время до этого бесполезного занятия.

Мама сделала мне чай (мой любимый, с лимоном и двумя ложками сахара), открыла новую пачку печенья и высыпала его на блюдце. Я до сих пор люблю именно эти два звука: как льется вода из чайника в чашку, и как печенье, высыпаясь, стучит о стеклянные стенки посуды. Я словно вижу это в замедленной пленке... В детстве мы острее подмечаем такие тонкие детали, выделяем их для себя из ряда обыденных. И здорово, если эта способность с возрастом остается. Люди неодинаковы в этом, как все те же художники. Некоторые, случайно капнув краской, затирают ее, другие дорисовывают из капли море.

Я взял печенье и чай к себе в комнату. Больше всего я люблю пить чай именно там, особенно вечером, и благодарен родителям, что разрешали мне делать это, не устанавливая строгий закон: едим только на кухне; ведь чай и кофе – это две атмосферные вещи, создающие

особое настроение, привнося уют и тепло, камерность и покой. Гармонии не достигнуть, сидя с чашкой у плиты и холодильника, ну, по крайней мере, когда тебе четырнадцать.

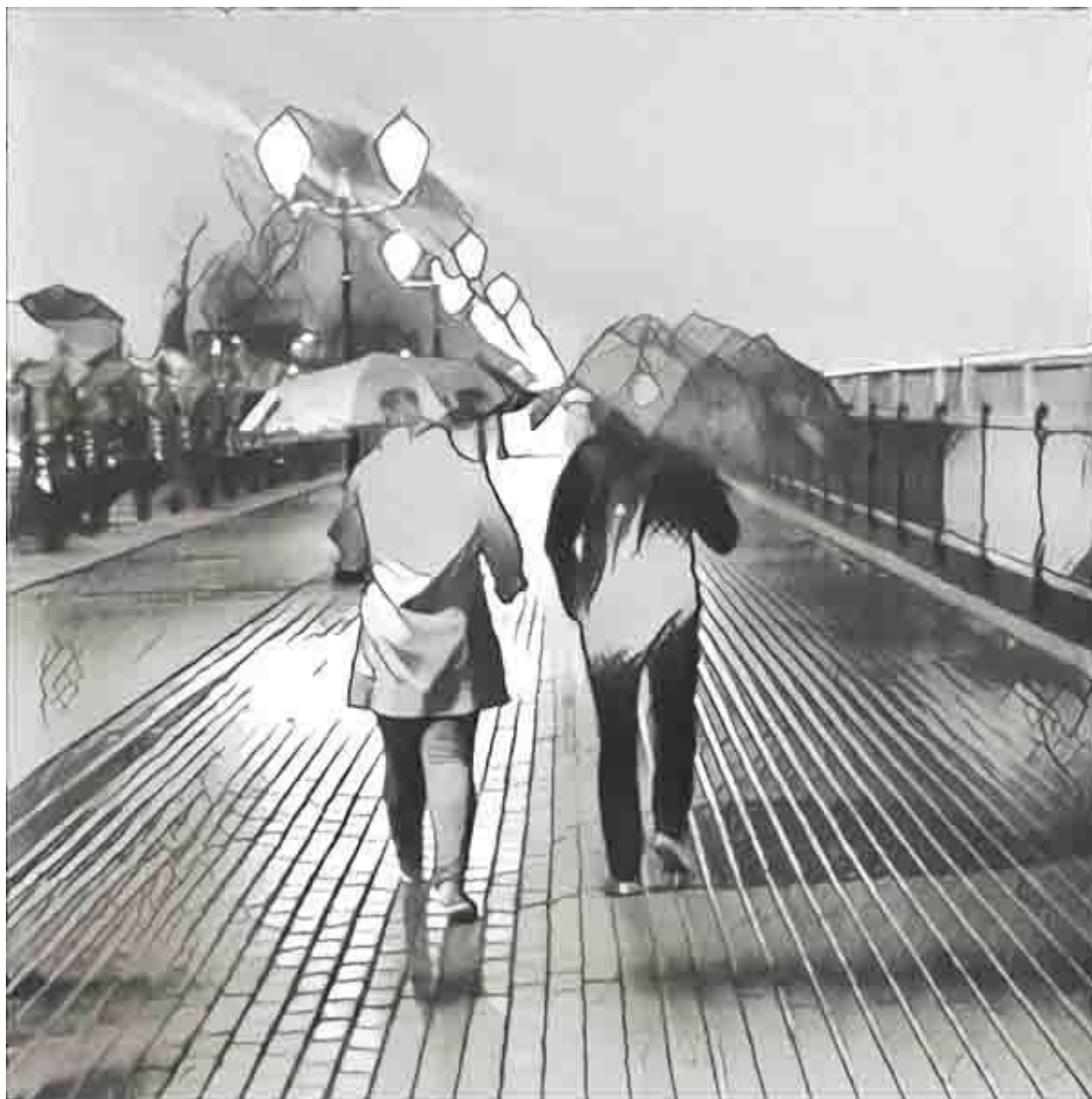
Я, как обычно, сел у окна, из которого видны были крыши соседних домов, такие старые и оттого еще более самобытные, с кучей разных труб, тонких и толстых, проводов в бешеном количестве и антенн. Я всегда с улыбкой думал, что половина из них точно здесь лишние, и понаставлены они просто для того, чтобы создать весь этот милый антураж. Мне все детство не надоедало смотреть на них, тем более вечером, когда все выглядит каким-то особенным... Да! И еще... Одна звезда... Она всегда появлялась первой, такая крупная, яркая... Я считал ее только своей. Мне казалось, только я вот так сижу у окна и обращаю на нее внимание; скорее всего, больше никому и дела до нее нет. Наверняка так и было. Забегая очень-очень далеко вперед, скажу, что в этой самой комнате теперь живет мой сын. И не так давно, когда он болел и лежал с температурой в кровати, я прилег рядом с ним, и мой взгляд случайно упал на эту звезду. Я подумал, как давно не видел ее, не смотрел на нее из этого самого окна. Такое чувство возникло внутри, какое бывает, когда приезжаешь в гости к бабушке и видишь там на диване старого плюшевого медведя, с которым спал, когда был совсем ребенком, обнимал его, когда хотелось плакать, а теперь держишь его, как частичку детства, умиляешься ему и улыбаешься. Такой же частичкой детства для меня была эта звезда. Рассказав об этом сыну, я услышал в ответ именно то, что хотел бы услышать: «Пап, мне казалось, только я замечаю эту звезду!» Я был несказанно рад такому ответу и даже горд тем, что ему, именно ему, моему сыну, тоже есть до нее дело...

Так вот, я просидел тогда у окна с чашкой чая и печеньем примерно с четверть часа, глядя на всю эту родную картинку за окном. И только голос мамы отвлек меня от созерцания уличных декораций моего детства. «Ты собрал рюкзак?» – спросила она. Чаще всего этот вопрос не нуждался в ответе, а срабатывал просто как напоминание. Я, по обыкновению, притащил рюкзак из коридора в комнату, вытряхнул из него сегодняшние учебники, вместе с которыми высыпался и всякий хлам: скомканные бумажки, начатая пачка жвачек, наушники, справка, которую я забыл отдать в школе, и скрученная записка, больше похожая на кусочек папиросной бумаги. Я отвел от нее взгляд, но моментально вернул его обратно. Молнией в голове промелькнула мысль: «А что если это тот самый чек, на котором писал что-то в конце ужина человек, составивший нам сегодня компанию?!» С какой-то неясной надеждой я развернул ее, пригляделся к почерку, даже сперва не вчитываясь, а пытаюсь понять, кому он принадлежит. «Как? Почему эта записка оказалась в моем рюкзаке? О чем же она?» – все эти вопросы в долю секунды наполнили меня до самого верха. Я разгладил ее пальцами в обе стороны и прочел следующее:

В школе по-прежнему нет учебников о смысле жизни, так ведь?!) Зато везде ты встретишь указатели: «Делай! Побеждай! Бери пример! Стремись! Будь другим!» Наверное, они нужны. Они ведут к цели... но не к счастью. Все боятся не успеть, не суметь, не оправдать надежд, не стать «одним из», не попасть. Но мы все уже здесь! Все родились и попали на этот свет! Бинго!

Не пишу учебников, мне хватит и этого кусочка бумаги, чтобы сказать: Быть частью «большой системы» – это ИГРА. Быть частью «большой планеты» – это ЖИЗНЬ. Отличать одно от другого – это СЧАСТЬЕ!

Играй ради игры, живи ради жизни. Не путай одно с другим и будь счастлив!

Вот все, что было написано на этом клочке бумаги, подсунутом в боковой карман моего рюкзака и предопределившим всю мою дальнейшую жизнь. Я перечитывал послание много раз, думал над смыслом каждого слова; часто сидел во дворе вечерами на опустевших скамейках и, накинув на голову капюшон кофты, размышлял, крутил в голове эти фразы... «Надо отличать одно от другого...» Но сначала ты слишком мал для этого, а потом – раз – и ты уже часть системы. Лет с трех попадаешь в нее, к воспитателям, и начинаешь воспринимать этот механизм как истинный уклад своей жизни. Вначале тебя стараются сделать похожим на остальных, уложить в рамки кем-то придуманной нормы (даже в килограммах, не то что в поступках), а когда вырастаешь – обижаются на достигнутую схожесть с другими, кидая в тебя фразу «ты такой же, как все!» Родители и учителя готовят тебя к «большой игре», к роли в обществе. Это, по сути, все, на что у них хватает времени. Так удобнее и «правильней» – создать социально-адаптированную модель человека и запустить ее в жизнь выполнять свои функции. Здесь в голове возникает картинка из комиксов, где какой-нибудь злой гений программирует взрослых делать именно так. Нет, их и самих растили по тем же стереотипам. И вот сначала ты искренне плачешь из-за двоек, потом не хочешь жить, услышав слово «уволен», не понимая, что это всего лишь игра. Да и откуда человеку знать, что нужно пустить мысли в этом направлении?! Никто ведь ему не говорил, зачем он здесь на самом деле, никто не говорил: «Да очнись ты, взлети и посмотри «над»... Видишь весь этот мир? Он твой! Все осталь-

ное вторично. Большая игра вторична! Не относись к ней слишком серьезно... Да, она тоже значима, но вторична!»

Но люди, не ощутившие этого, бредут, как слепые котята, от мастер-класса «как добиться успеха» к мастер-классу «как победить стресс». Вроде все отлично работает: планы-графики-распорядки... Но тогда откуда эти ноющие чувства внутри, будто что-то не успел, куда-то тянет бежать, эта неосознанная тревога, кризис среднего возраста, страхи, обиды, сомнения... Это симптомы того, что ты заигрался. Заигрался, считая механическую каждодневную игру своей настоящей жизнью.

В устройстве общества, несомненно, есть плюсы. Без организации у нас, у людей, наступит хаос, как у муравьев, если разрушить их муравейник. Мы привыкаем к вещам, нас успокаивает постоянство. Нет ничего умиротворяющего, например, возвращаясь в город детства, увидеть, что твои старые качели по-прежнему на своем месте, а под турник мальчишки, как и прежде, подкладывают камень, чтобы достать до перекладины. Вот это же чувство постоянства мы и ценим во взрослой игре с ее неизменными конторками, вроде как придающими нам значимости и ощущение стабильности. Наверное, это неплохо, только если не воспринимаешь игру серьезнее жизни. Я лишь против подмены понятий, против смещения ценностей, против забвения основного предназначения, против того, что часто одна только грань возможного открывается людям. Кто-то вырастет, продолжая плыть по течению от одной конторки к другой, не сумев опомниться, уплывая все дальше и дальше от самого себя.

Я научился отделять игру от реальности, «живу ради жизни, играю ради игры». И тот человек не соврал – это действительно счастье... настоящее, неподдельное, которое не может пошатнуться и исчезнуть; счастье понимать кто ты, зачем ты здесь, кем ты задуман природой. Это все вокруг наполняет смыслом. Просто однажды, в обычный день, среди душной толпы или сидя дома, вдруг широко открыв глаза, впитав это знание всей своей сущностью, вдруг понимаешь: только и остается, что быть счастливым; вставать, пусть даже серым утром, неважно, и быть счастливым. Вот просто ото всех этих существ и веществ, что вокруг, от эмоций и мыслей, от ощущений и возможностей, от многообразия и необъятности; оттого, что ты здесь, все еще здесь, и несешься куда-то в этом потоке дел и людей... Ты здесь, ты видишь и слышишь, созерцаешь и ощущаешь, ты живой. Просто идешь по улице и тебе уютно, как дома, потому что ты и есть дома в глобальном смысле этого слова. Остальное – как дополнительные бонусы: элементы роскоши, престижная работа, огромный дом – они могут быть, могут не быть... Это не сделает меня менее счастливым. Мне не надо многого, мне достаточно огромной планеты. Да, конечно, я тоже могу грустить, расстраиваться, волноваться. Иногда сомнения и страхи говорят мне: «Все плохо...» – навязчиво крутятся в голове, порой не давая уснуть. Но они не проникают внутрь – там просто совсем нет для этого места. Внутри меня – основа из понимания, кто я и зачем я здесь. Это держит меня, как позвоночник, чтобы ни случилось – и это неизменно.

* * *

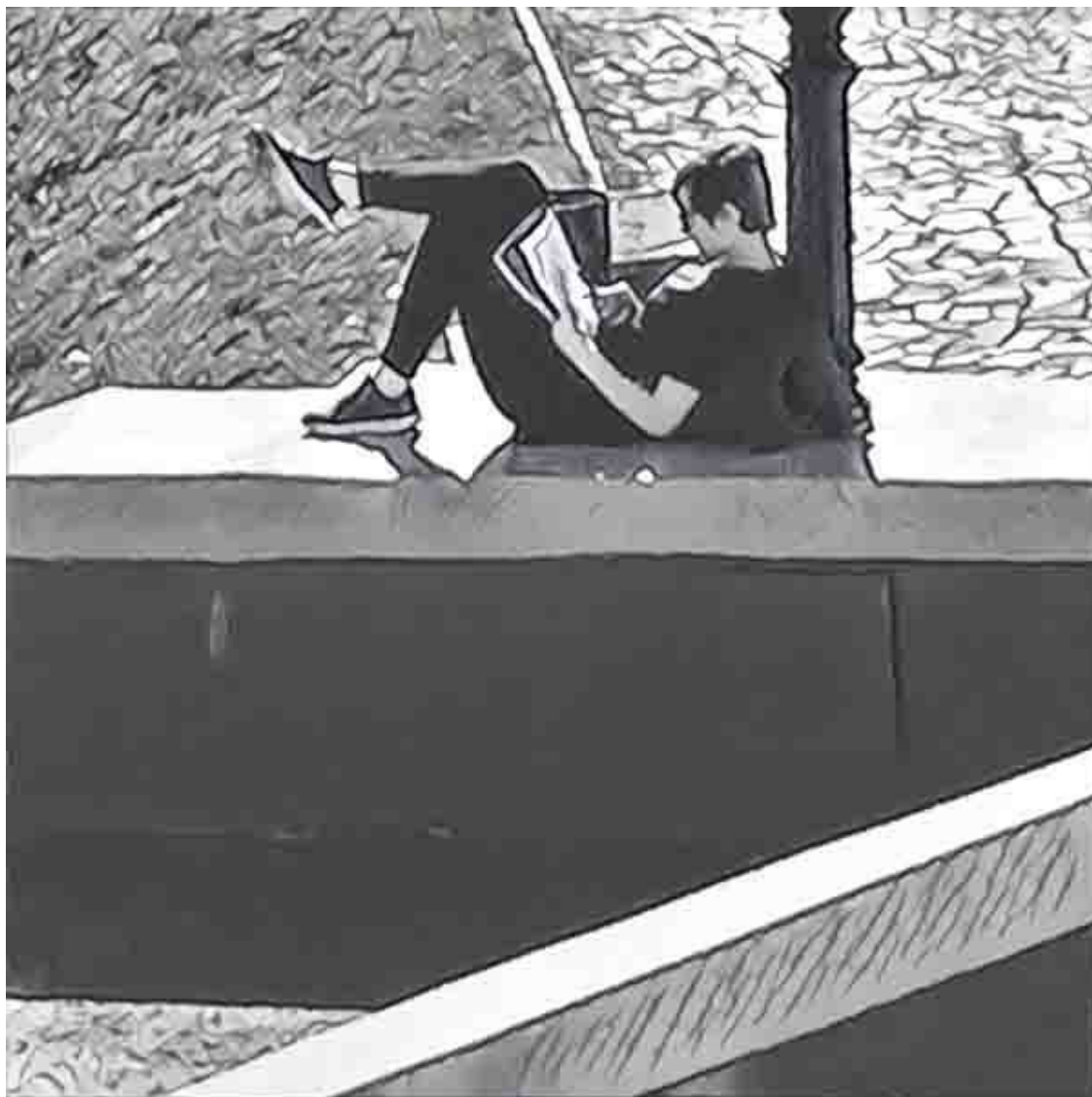
Мне уже давно не четырнадцать, но на вопрос друзей: «Чем занимаешься?» – я по-прежнему с улыбкой отвечаю: «Живу!»

Теперь я тоже мог бы создавать из людей «адаптированные модели»). Но мне всегда хотелось сказать, даже прокричать каждому: «Постой! Вот прямо сейчас, там, где ты есть! Остановись на мгновение... Слышишь? Это твоё дыхание... Почувствуй себя живым! А теперь ответь: разве живой может быть несчастен из-за неживых проблем, из-за придуманных проблем, из-за закрывшейся конторки?!»

Я стал писателем. Сомневался, как и многие... Однажды в разговоре с другом обронил философскую фразу: «Все уже написано...» На что тот ответил: «Но не все еще понято! С книгой, как со второй половинкой: либо твоя, либо нет... Либо откроешь смысл, либо закроешь книгу. Об одном и том же можно писать по-разному. И кто-то ждет именно тебя!»

Размышляя над этим, я продолжал работать над новой книгой, сидя в своем любимом кафе. Чувствовал, что моя муза, обычно приносившая интересные мысли по ночам, теперь тоже облюбовала это местечко, и мы с ней неплохо работаем днем. Идеи наполняли меня так сильно, что их энергии хватило бы на снабжение электричеством как минимум всего этого заведения. Вспомнил тот самый чек с написанной на нем фразой, изменившей мое сознание. И... вдруг понял, что нашел... нечто большее, чем просто идею для книги... Оглядевшись вокруг и окинув взглядом посетителей, я подумал: «А ведь им тоже есть что сказать!»

Всем этим людям, что заходят сюда. Может быть, прежде всего сказать самим себе...»

На следующее утро я пришел в это же кафе поговорить с руководством и озвучить ему свою смелую идею. Вот что я предложил: каждый, кто придет сюда выпить чашечку кофе, сможет написать свою маленькую историю о том, что для него важно... размышления этого дня или целой жизни, стихи или пожелания, признания или открытия. Не на чеке, конечно... Мы сделаем стойку с чистыми листами бумаги. Эти написанные кем-то «послания в будущее» мы будем опускать в большую символическую капсулу. Когда она наполнится, мы соберем из лучших историй книгу... Живую книгу, у которой пульс бьется в такт с тем временем, которое сейчас, книгу того возраста, в котором мы живем... потом новые и новые книги...

По центру капсулы – текст, объясняющий смысл этого действия:

«Пожалуй, кафе – одно из немногих мест, где ты делаешь что-то, потому что так хочешь, а не потому, что так кому-нибудь нужно. Именно ты выбираешь кофе, который действительно любишь, садишься за столик, который тебе кажется уютным. И здесь идеальное место для встречи с одним важным человеком – с самим собой... Каждый день у нас есть пара минут на кофе, но нет времени на этого «важного человека». Нет времени спросить, о чем он молчит, чего хочет, зачем живет. А ведь у него наверняка есть на этот счет парочка гениальных идей...

Остановись на мгновение... Когда ты живешь чужими идеями – живут идеи, когда ты живешь своими идеями – живешь ты! Здесь есть только кофе и листок бумаги. Напиши на нем то, что скажет тебе этот «важный человек»... Его выход, его минута славы, его возможность

превратить мгновение в вечность, сделав из чистого листа страницу книги, написав на нем ту самую парочку гениальных идей...»

К моему удивлению и в подтверждение фразы «смелость города берет», меня не прогнали, и ровно через месяц (для меня это было целых 30 дней, и я считал каждый) символическая капсула была установлена и стала наполняться историями. Все получилось. Получилось ведь!

Как-то я прочитал фразу: «Не существует ключей от счастья. Дверь всегда открыта»²... Мир оказался открытым. Будто все только и ждали возможности сказать, осознать, найти, задуматься, пометчать, поделиться зарисовками своей жизни...

Итак... Я все же собрал свое «ассорти»! Его-то я и предлагаю читателю...

Книги – это фантазия. Черно-белые иллюстрации – всего лишь рама для картины из настроений от прочитанного. У каждого возникнет своя картина, свои цвета. Ради этого и пишутся книги. Настроение автора скрыто кодом цвета в начале каждой истории. (Расшифровка – см.: цветовая палитра; поисковые системы.)

² © Мать Тереза.

Глава 2. История #fdfdfc

Девушка-лотос. Я встретил ее недавно. До обидного недавно. Мне 35. И да, конечно, полный набор того, что должен иметь человек в 35 – при мне. Такая коробочка с надписью «зависть окружающих»: работа, семья, дом, машина, лабрадор, как с картинки, и много чего еще сбывшегося с того самого плаката желаний, подаренного мне коллегами когда-то на день рождения. Правда, машина – не кабриолет. На плакате это был красный кабриолет. Надо бы обратиться к друзьям, пусть платят неустойку, верно?! Желания общепринятые, желания, от которых никто не откажется. Вам счастья? Вот вам рецепт, список того, что обязательно должно быть. Я и сам стал абсолютным воплощением этого смешного человечка с плаката: с дипломатом в руке, в рубашке, пиджаке и галстуке, с дежурной улыбкой и уверенным шагом. Но на плакате не нарисешь звучания... той музыки, что должна быть в душе. А вот ее-то и не было долгих 35 лет.

Эффект лотоса... К его листьям и лепесткам не пристанет грязь. Не только вода, но даже липкие капли скатятся шариками вниз, ничуть не увлажнив лотос, не оставив следа. Он всегда безупречно чист, даже в той мутной воде, среди которой растет.

Лотос... Она на несколько лет младше меня. Хрупкая, худенькая, с правильными чертами лица, улыбка и загадочная. Увидев ее, я стал понимать смысл слова «непостижимая» по отношению к женщине. Да нет же, это не та история, что все надоело, а тут она... Эта исто-

рия, когда встречаешь... истину. Я любовался ею как олицетворением настоящего. У нее тоже семья, но это невозможно представить, глядя на нее: такая легкость и беззаботность, искренний настоящий свет, столько добра безграничного, открытость и любовь к миру, почти как у ребенка. Только у нее это осознанно. Наверное, это и есть дорога к счастью – от детской неосознанной радости прийти к осознанной, т. е. сделать круг.

Судьба свела нас по каким-то малозначимым делам. Мы виделись всего-то раз пять. Три из них у нас была возможность пообщаться. Но и одного раза было достаточно, чтобы, глядя на нее, почувствовать: существует что-то другое... Другое звучание, другая реальность. Чистый лотос в мутной воде. Это была не любовь мужчины к женщине, это было что-то высшее. Я не представлял, как кто-то вообще мог посметь быть с ней рядом, кто достоин ее. Да, после каждой встречи я скучал по ней. Слонялся по квартире, как хищник в клетке. Думал о том, куда же девается вся энергия этих мыслей. Почему человек, по которому так сильно скучаешь, ничего не чувствует на расстоянии, почему не звонит, не пишет тебе сразу, почему эта шаровая энергия не летит к нему и не накрывает его такой же волной, какой накрывает тебя, когда его нет рядом?! Да, я скучал по ней, но как по глотку чистого воздуха, как скучают по морю или по детству...

Я с самого начала знал, что скоро мы перестанем видеться. Хотя я и сейчас мог бы позвонить или написать ей несколько слов-зацепок, придумать повод для общения... Я не делаю этого. Оставил только поздравления с днем рождения, чтобы она чувствовала: я где-то рядом и, что бы ни случилось, помогу ей. Она не вошла в мою жизнь, это было легче и невесомей... Она прозвучала, как музыка, которой мне не хватало. Вернее, она включила музыку во мне – вот для чего она была мне дана.

В моей жизни, как и у большинства из нас, много стереотипов, какие-то мне даже нравятся. Но остальные (а их большинство) портят жизнь. Мы так привыкли: безответные чувства – это минор, это расстройство, это повод грустить и печалиться. Но для меня это – шлюзы... Да, с этим человеком я не пойду дальше, но он поднимает меня выше. Все эти чувства, которые родились во мне благодаря факту ее существования, заставляют меня расти. Да, я не плыву вперед вслед за ней. Я все понимаю. Я даю ей возможность и время ускользнуть. Но эти оставшиеся во мне чувства поднимают меня вверх, словно река поднимает корабль, оставшийся в шлюзах.

Иногда смысл не в отношениях, они даже, скорее всего, все испортят. Когда ты встречаешь человека «ради»... ради образа которого хочется вставать с кровати, писать стихи, достигать чего-то – это большое счастье, ничуть не меньшее, чем встретить любовь. Иногда он должен оставаться этим человеком «ради». Его даже не обязательно любить или восхищаться им. Можно отчетливо видеть его недостатки, но в то же время чувствовать в нем что-то химически-необъяснимое. У всего в жизни есть свое предназначение, своя иллюзорная полочка. И на этой полочке «ради» у меня стоит «Лотос».

Глава 3. История #777070

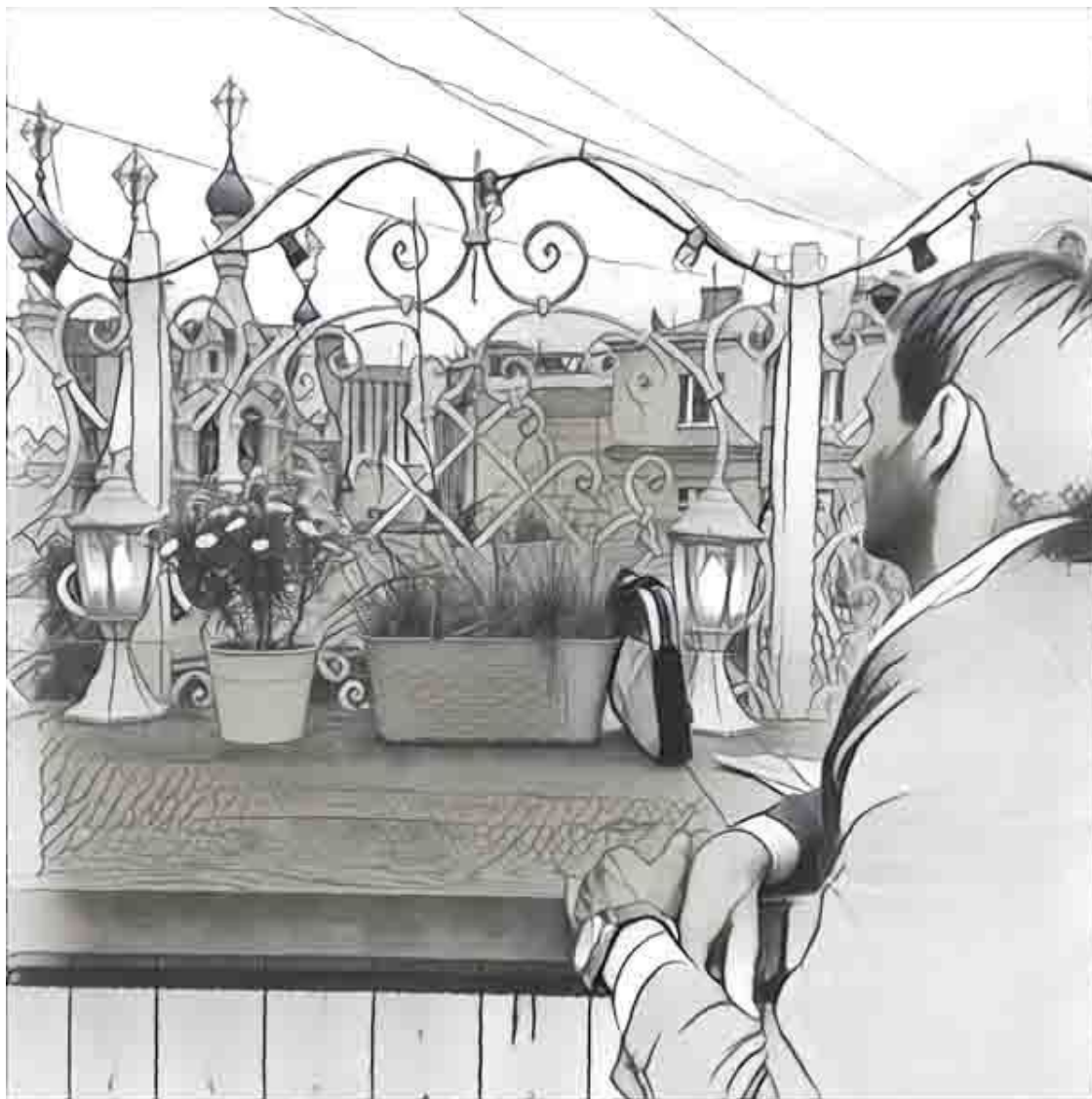
Черно-белое настроение...
Это значит – без лишних слов.
Это значит – еще мгновение,
И будет уже нелюбовь.
Черно-белое настроение...
Это значит – немое кино.
Это значит – один не слышит,
А второму уже все равно.

Глава 4. История #fbb204

Я зашел в храм. Просто зашел побыть там, постоять, спрятаться от всего внешнего... Когда мне хочется, чтобы меня кто-то обнял, а некому, я захожу туда... Там весь воздух пропитан теплом и уютом. Он-то и обнимает меня, словно чьи-то заботливые руки. А еще этот свет... Он проникает сквозь окна длинными полосками, не рассеиваясь, точно прожектор, выделяя что-то главное. Может быть, неслучайно. Этот свет – он всегда такой легкий, что сколько бы не было времени на часах, кажется, что он утренний.

На этот раз лучи падали на небольшой церковный хор, состоящий из пяти женщин разного возраста и одной маленькой девочки с белыми кудряшками, такой хорошенькой, что можно было сказать: пять женщин и один ангел. Свет делал их белые платья еще белее, они словно светились изнутри. Наверное, так и было.

Я поговорил с батюшкой, которого знаю уже много лет. Сказал ему, что потерял что-то важное... Похоже, себя. Наш разговор длился около получаса, хотя мне показалось, что пару минут. Скорее, это был монолог. Он больше слушал, спокойно, не хмуря бровей, ничему не удивляясь, что придавало легкости выходу моих эмоций. Потом он на секунду опустил глаза и, помолчав еще мгновение, сказал: «Я знаю, знаю... Твоя проблема в Я зашел в храм. Просто зашел побыть там, постоять, спрятаться от всего внешнего... Когда мне хочется, чтобы меня кто-то обнял, а некому, я захожу туда... Там весь воздух пропитан теплом и уютом. Он-то и обнимает меня, словно чьи-то заботливые руки. А еще этот свет... Он проникает сквозь окна длинными полосками, не рассеиваясь, точно прожектор, выделяя что-то главное. Может быть, неслучайно. Этот свет – он всегда такой легкий, что сколько бы не было времени на часах, кажется, что он утренний.

На этот раз лучи падали на небольшой церковный хор, состоящий из пяти женщин разного возраста и одной маленькой девочки с белыми кудряшками, такой хорошенькой, что можно было сказать: пять женщин и один ангел. Свет делал их белые платья еще белее, они словно светились изнутри. Наверное, так и было.

Я поговорил с батюшкой, которого знаю уже много лет. Сказал ему, что потерял что-то важное... Похоже, себя. Наш разговор длился около получаса, хотя мне показалось, что пару минут. Скорее, это был монолог. Он больше слушал, спокойно, не хмуря бровей, ничему не удивляясь, что придавало легкости выходу моих эмоций. Потом он на секунду опустил глаза и, помолчав еще мгновение, сказал: «Я знаю, знаю... Твоя проблема в том, что ты, как и многие, растворился в себе. Послушай себя... Ты говоришь: «Я... у меня... мне бы...» А ведь ни Солнце, ни один фонарь не светит внутрь себя! Внутренний свет должен выходить наружу, кому-то светить, а кого-то и согреть... Ты никому не отдаешь свой свет, направляя его внутрь, на решение своих проблем. Но в этом и есть твоя проблема. Если оставить свой свет внутри, он сожжет тебя в уныниях и смутной тревоге... Добро необходимо этому миру – таков негласный закон природы. Добро заложено в нас как один из основных инстинктов. Так же, как ты получаешь удовольствие от еды, от безмятежного сна, от любви, так же получаешь удовольствие, сделав добро. Вспомни, когда ты кидаешь монетку нищему, на душе у тебя про-

летает легкая радость. Она ощущается почти физически. Отдача добра заложена мирозданием. Без солнечного света этот шар не крутился бы, без света людского – крутился бы пустым.

Я помогу тебе, – неожиданно добавил батюшка, – постараюсь помочь. Слова мои не возымеют такую силу, как твое самопознание! Дать совет – это всего лишь указать дорогу, но пройти ее, чтобы найти себя, найти гармонию, можешь только ты сам! Знаешь, поживи у нас в пустующей комнате, не беспокойся ни о чем, подумай над тем, что я сказал тебе. И вот еще что... Как только ты найдешь себя, откроешься миру, направишь свой свет не на себя, а на других, ты найдешь своего ангела... Ангела истины. Да-да, не удивляйся, ты и вправду увидишь его! И он останется с тобой навсегда! Ты можешь уйти и раньше... Когда захочешь... Не увидев ангела, ты можешь встать и пойти домой... И твоя гармония пойдет... Но в другую от тебя сторону».

Я решился пожить в предложенной мне комнате. Она располагалась на верхнем этаже двухэтажного дома, больше похожего на старинную усадьбу. Стены в комнате были покрашены, мебель простая, из дерева; много света из окна, за которым цвел каштан, своей белизной добавляя уюта в образ всего помещения.

Первые дни я просто отдыхал от суеты и шума, от разговоров и «нужных» ненужных дел. Молчал. Ложился спать рано и рано вставал. Мне нравилось быть в тишине, в ней думалось и мечталось. А ведь я совсем забыл, живя в городе, что это – тишина... Дни мои стали теперь спокойными и размеренными. Я много гулял пешком, медленным шагом, что тоже было для меня непривычным. Идти по улице просто для того, чтобы идти по улице... Как это было здорово! А ведь правда: теперь и это – роскошь?! Потому как все мы бежим, опаздываем, утром и вечером... Попробуйте выйти на несколько минут раньше и пройти не спеша. Это ведь совсем другая энергия, время жить и замечать...

В моей комнате гостей не бывало. Единственно кого я видел по возвращении с улицы – это свое отражение в большом круглом зеркале, висевшем в полутемной прихожей. Я поправлял, глядя в него, волосы и ворот рубашки и проходил в комнату. Сидя на подоконнике, глядел на меняющийся узор неба, думал над словами о внутреннем свете. Было много споров внутри. «Не всегда люди готовы его принять», – говорил я себе. И тут же отвечал: «Но ведь солнце светит для всех. Тот, кто не принимает его свет, просто прячется от него, остальные благодаря ему живут. Здесь важно само действие. Ты не уверен точно, на что нищий потратит твою монету – во зло или во благо – решать уже не тебе. Ты запустил добро в мир, дал шанс ему свершиться, от того тебе и светло».

Я думал о тех людях, с которыми отношения у меня не ладились, старался простить их, как неразумных детей, только ставших теперь уже высокими и седыми. Думал о тех, к кому стоит наведаться по возвращении домой, и даже написал пару писем на бумаге (что тоже теперь редкость).

Ангела все не было. А мне не хотелось уходить без него. Как он должен появиться? Во сне? Я чувствовал, что он где-то рядом, что я на верном пути, потому что я наконец-то почувствовал себя... счастливым! Ото всех этих мыслей, прощений, пониманий мне стало уютно. Но я не был уверен, что круговорот житейских проблем не заварит меня опять в обидах и закрытости. Мне нужно было время. Я не хотел уходить.

Так прошел месяц. Понемногу я успокоился. Говорят, за месяц человек ко всему привыкает... Я привык к светлым мыслям, они стали моими, не проходящими. Говорят, за месяц человек от всего отвыкает... Я отвык обижаться.

...Открыв дверь, я вошел, как обычно, остановившись у зеркала в полутемной прихожей. Через окно в комнату пробивалось яркое солнце, и мне захотелось, в конце концов, наполнить светом и это пространство у двери, осмотреть его. Но я не знал, как это лучше сделать. Тогда я снял со стены зеркало, отвернул его от себя и подставил под солнечный луч. Он моментально отразился и осветил вечно темную стену напротив. И тут в моих глазах стали появляться слезы. На стене под действием солнечного света проявился лик ангела! Вероятно, нарисован он был светочувствительными красками и прежде, оставаясь в темноте, был невидим. Ангел все это время был у меня за спиной, совсем рядом! Как это символично! Его появление было красивым и мудрым! Я понял, какой смысл был в этом заложен... Отдавая свой свет, я нашел своего ангела. Посмотрите, ваш наверняка за вашей спиной. Просто отверните зеркало от своего Я...

Глава 5. История #f98c76

Интересное чувство: ты вроде счастлив... Прямо вот сейчас выйдешь на улицу: фонари, ветки деревьев в снегу – прямо вот хорошо все будет. И будешь рад и свежему воздуху, и звездам. И луна такая, чтоб уж наверняка, чтоб уж точно счастлив. И да, конечно, ты счастлив по всем направлениям. А все равно какое-то чувство в груди выворачивает тебя наизнанку. Надо отпустить кого-то дорогого... До него рукой подать, он рядом. Ты знаешь все коды и цифры, чтобы мучить себя: читать его, смотреть его, слышать его. Но понимаешь: надо отпустить. Внутри себя отпустить, потому как в реальности он тебе и не принадлежит...

Глава 6. История #43685a

Ты стояла напротив, совсем рядом.

Говорила что-то...

Я слушал... взглядом.

Движение губ в фокусе,

Остальное размыто.

Прикоснуться без спроса бы,

Открыть то, что закрыто.

И вдруг:

– Я выхожу...

– Да, знаю, твоя остановка...

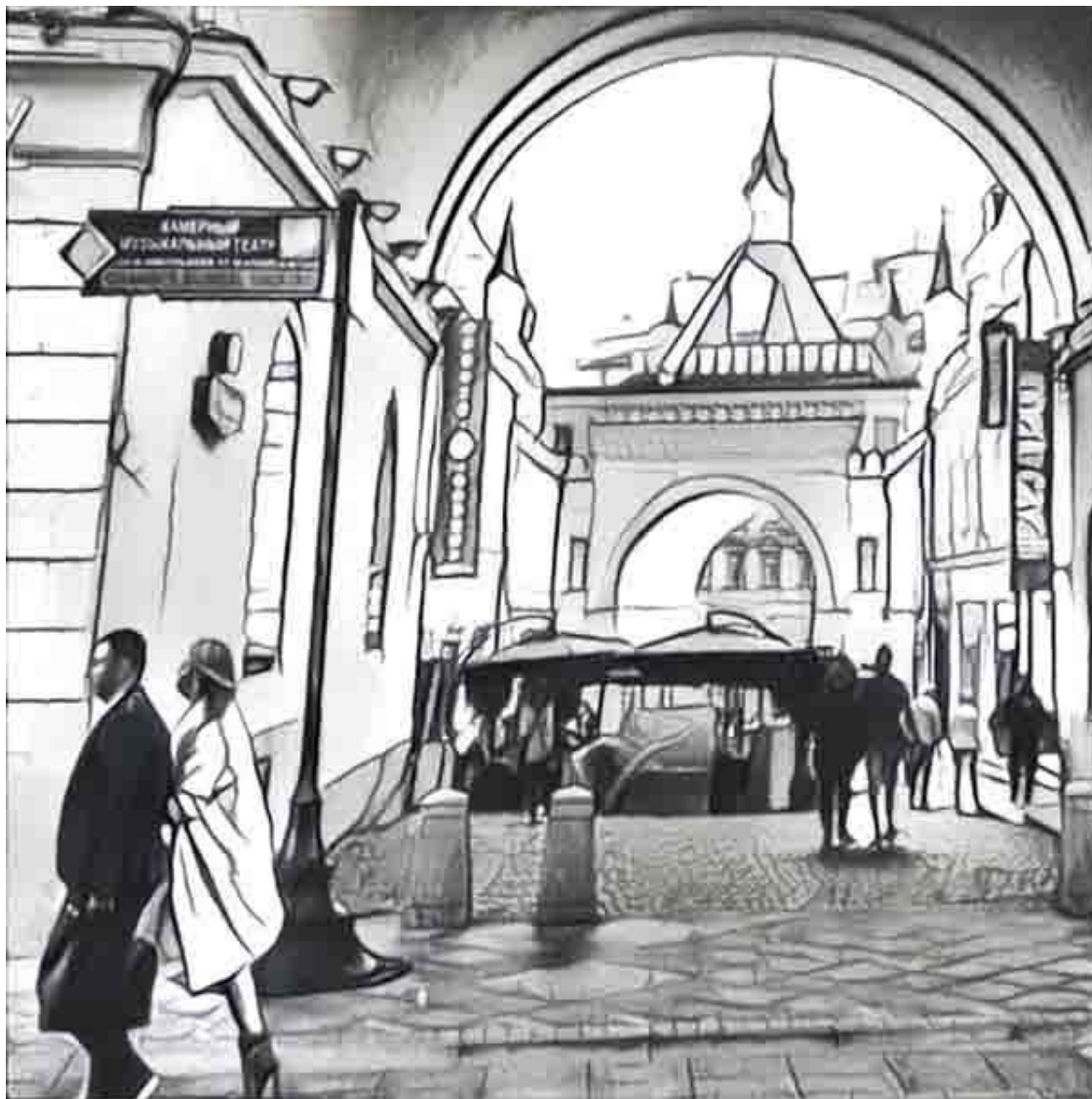
– Нет... замуж...

– ...Что ж... получилось неловко...

Для тех, кто вовремя не пытается:

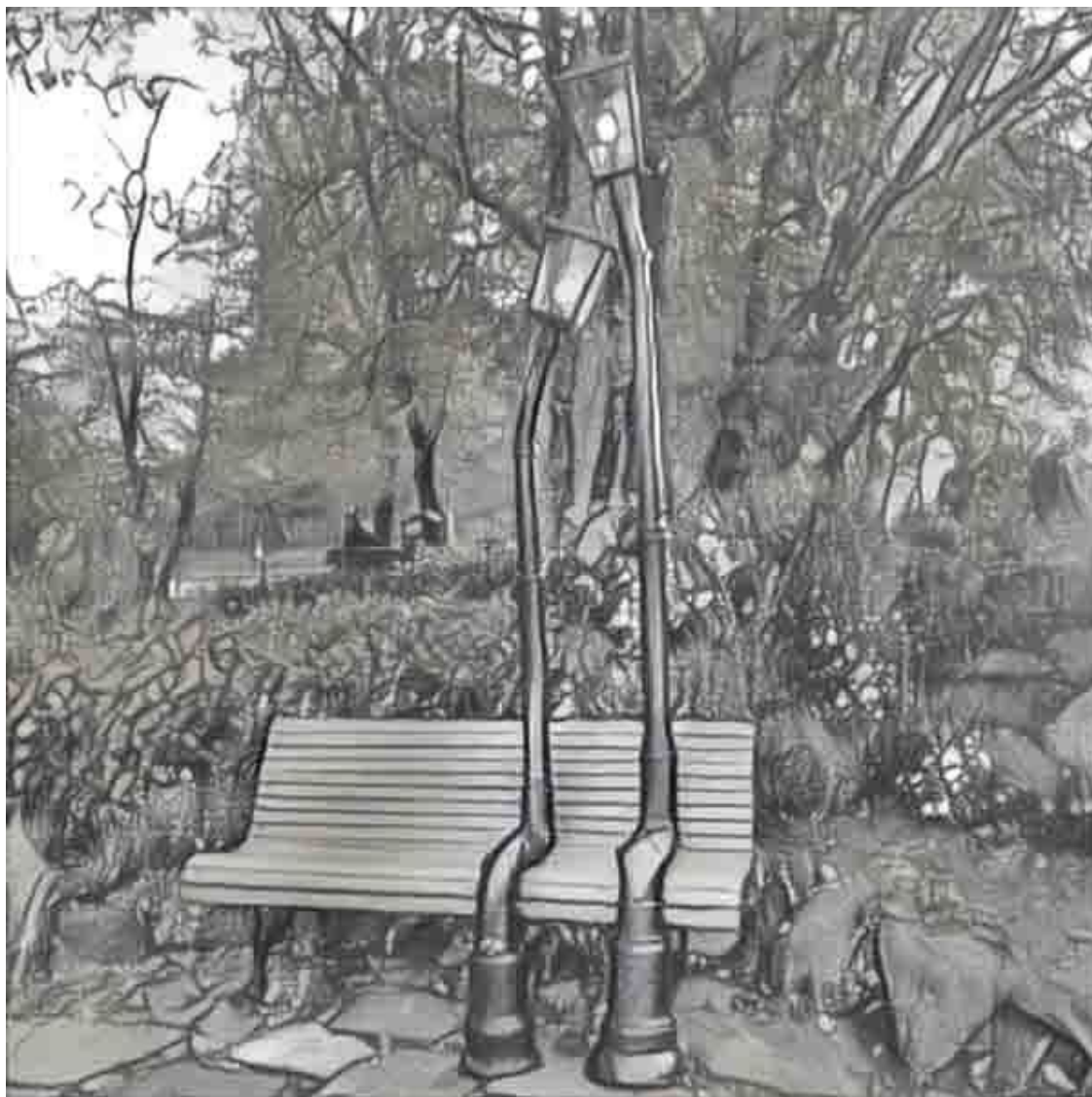
«Осторожно! Двери закрываются».

Глава 7. История

Я шла и думала о том, как мне не хватает ЕГО. Просто шла по улице, зная, что ничего уже не могу поделать. И это самое ужасное в жизни, когда ничего нельзя сделать. Я присела на лавку. Сегодня был солнечный прохладный день. Руки – в карманах куртки, глаза закрыты, на лице – никаких эмоций. Просто слезы льются из закрытых глаз. Они самые отчаянные – слезы из закрытых глаз. Льются, и ты даже не стараешься их вытирать. От безысходности и бессилия. Я сидела в этом бездействии, и оно безумно давило, разрывая меня изнутри. Хорошо, что был ветер, сильный такой... Я так благодарна ему за то, что он носился вокруг, создавая тем самым хотя бы иллюзию движения. Из солидарности со мной он тоже не был спокоен. Он дул мне в лицо, как мама в детстве дует на рану, чтобы не жгло. Трепал мне волосы, словно понимал, как мне хочется мчаться, что-нибудь делать, но я не могу. Благодаря ему казалось, будто что-то происходит, что я все-таки куда-то лечу.

Ветер прозрачен. Часто люди вокруг бывают прозрачными, особенно, когда очень нужны. Я осталась одна со своей тоской. Все вокруг не замечали меня, быть может, не находили слов, предпочитали молчать, исчезли...

Можно оставаться прозрачным, но так, чтобы было понятно: ты рядом. Дать знать каким-то поступком, не оставлять... Нельзя нарисовать сам ветер, рисуют его дела. И становится ясно: он здесь. Надутый парус – здесь ветер толкает корабль; а здесь он заставил мужчину снять пиджак и накинуть его на плечи женщине; тут разлетаются семена одуванчика – это ветер сеет новую жизнь; деревья молчат, если нет ветра, оживают только с его дыханием... Мне тоже нужно было чье-то дыхание, чтобы ожить.

Сегодня все и всё было прозрачным, я была одна. Если бы не ветер, я бы сошла с ума от тишины и такого нелепого покоя вокруг, когда так хочется бежать...

Глава 8. История #9ес062

В коридоре валяются кеды, значит, он дома, мой младший брат. Мне 19, ему 14. Он такой забавный, разный такой. Он все еще, как магнит, притягивает к себе все подряд, без разбора: чужие привычки, кусочки разных стилей одежды. Такой возраст... Позже все лишнее, надеюсь, отсеется. Я всё жду, когда он наконец-то перестанет носить эти дурацкие огромные часы, которые так нелепо смотрятся на его юношеской руке. Они скорее бы подошли его лучшему другу, тому крупному парню, который как раз мечтал о таких. Некоторое время назад он показывал нам с братом эти часы в журнале, говоря, что у его отца есть похожие, военные, которыми тот дорожит и никому не разрешает до них дотрагиваться. Так вот, такие часы недавно появились у брата. Зачем они ему?! Уверен, что за лето у него останется огромный незагорелый след на руке под этим «будильником», так что уж потом придется их носить все время, пока не сойдет загар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.